

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-245-253

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА «АРЕСТАНТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЕДИНСТВО»: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Алексей Викторович Римский

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина, Белгород, Россия
alex.rimskiy@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 1041649, SPIN-код: 3030-0325

Аннотация. *Целью исследования* является раскрытие основных характеристик криминальной субкультуры «арестантское уголовное единство» (АУЕ) и философско-культурологический анализ ее роли в формировании менталитета некоторых молодёжных сообществ.

Методология исследования опирается на субкультурный подход, разработанный белгородской философской школой.

Результаты исследования состоят в следующем: установлено, что криминальная субкультура АУЕ — одна из самых известных и опасных в России антисистемных экстремистских сообществ. Эта субкультура имеет свои особенности, которые выражаются не только в языке, но и в поведении ее адептов. Многие общественные деятели, правоохранительные органы и научные работники занимались изучением этой проблемы, пытаясь разобраться в ее корнях и понять причины ее возникновения. Проявления АУЕ можно увидеть в различных социальных группах и сообществах: от тюремных колоний до городских районов. Показано, что в последнее время эта субкультура стала популярной среди молодежи, а это вызывает особую озабоченность у родителей и общественности в целом. Исследование опирается на факты, которые показывают угрозу для молодого поколения. Изложены принципы, на которых основывается борьба с данным негативным явлением.

Перспективы исследования заключаются в том, что необходимо изучить проблему идеологии криминальной субкультуры АУЕ, факторы, влияющие на вступление в криминальную организацию АУЕ.

Ключевые слова: «арестантское уголовное единство» (АУЕ), экстремистское сообщество, антисистема, преступления, молодежь, криминальная субкультура

Для цитирования: Римский А. В. Криминальная субкультура «арестантское уголовное единство»: философско-культурологический анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 245–253. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-245-253>.

Original article

CRIMINAL SUBCULTURE «CONVICT CRIMINAL UNITY»: A PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Alexey V. Rimsky

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia
alex.rimskiy@yandex.ru, AuthorID RSCI: 1041649, SPIN-code: 3030-0325*

Abstract. *The aim of the research is to reveal the main characteristics of the «convict criminal unity» criminal subculture and the philosophical and cultural analysis of its role in the formation of the mentality of some youth communities.*

The methodology of the research is based on the subcultural approach developed by the Belgorod school of philosophy.

The results of the research are the following: it was established that the criminal subculture of «convict criminal unity» is one of the most famous and dangerous anti-systemic extremist communities in Russia. This subculture has its own features, which are expressed not only in the language but also in the behavior of its adherents. Many public figures, law enforcement agencies and scholars have studied this problem, trying to understand its roots and the reasons for its emergence. Manifestations of «convict criminal unity» can be seen in a variety of social groups and communities, from prison colonies to urban areas. It is shown that this subculture has recently become popular among young people and is of particular concern to parents and the public at large. The study relies on facts that show the threat to the younger generation. The principles on which the fight against this negative phenomenon as «convict criminal unity» is based are stated.

The prospects of the research are that it is necessary to study the problem of the ideology of the criminal subculture of «convict criminal unity», factors which influence to join to the criminal organization of «convict criminal unity».

Keywords: *«convict criminal unity», extremist community, anti-system, crime, youth, criminal subculture*

For citation: *Rimsky A. V. Criminal subculture «convict criminal unity»: a philosophical and cultural analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(4): 245–253. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-245-253>.*

Актуальность темы исследования. В современном мире большое внимание уделяется изучению и профилактике деятельности криминальных антисистемных сообществ, к которым, без сомнения, относится и субкультура «арестантское уголовное единство» (АУЕ). Практики и идеология этого субкультурного сообщества в последнее время приобрели популярность среди городской молодежи, оказывая негативное на неё влияние.

Верховный суд России признал движение АУЕ экстремистской организацией, поэтому

любая деятельность, связанная с АУЕ, запрещена на территории нашей страны. Несмотря на запрет, по данным Совета при Президенте Российской Федерации, это криминальное молодежное движение проявило свою деятельность в 18 регионах страны. В экстремистскую организацию привлекаются дети от 12 лет, сильное воздействие экстремистская организация оказывает на подростков, не достигших совершеннолетнего возраста. И.И. Горбунов верно отметил, что причина заключается в особенностях психики данной

группы лиц, в отсутствии нравов, желание противостоять запретам и взрослым [5].

Методология исследования. Криминальное сообщество АУЕ в последнее время изучают многие юристы, политологи, социологи, но они чаще всего касаются лишь отдельных характеристик данной социальной антисистемы. Например, А.Е. Полякова и Н.С. Рябков указывают на интерес подростков ко всему запрещенному как психологический фактор популяризации идей АУЕ в молодежной среде [6]. Девиантные и делинквентные характеристики поведения участников движения АУЕ изучает В.Г. Сорока [13]. Субкультурную природу криминального сообщества АУЕ исследуют такие авторы, как Д.В. Гирьятович [2; 3], А.Э. Хасуев [14] и В.А. Шуняева [15]. Однако, этого явно недостаточно и требуется более комплексный философско-культурологический и философско-системный подход к исследованию этого субкультурного феномена.

Прежде всего, в его описании и интерпретации необходимо использовать герменевтическую и феноменологическую методику, которая позволяет выявить мифологию и символику данной субкультуры, влияющие на бессознательные механизмы восприятия идей и практик деятельности этого антисистемного сообщества. Антисистемность субкультуры АУЕ требует привлечения системных методов.

Также необходимо опираться на субкультурный подход, разработанный белгородскими философами (В.П. Римским и его учениками). В ряде их работ отмечается, что субкультура (субкультуры) всегда формируется в деятельности и практиках отдельных социальных групп и сообществ, которые часто представляют собой сложные конфигурации внутри конкретно-исторических социокультурных систем или подсистем. При этом они могут приниматься обществом и институализироваться в рамках базовой культуры («большой», «взрослой», «материнской», «доминирующей» и т.п.). Но очень часто субкультуры не институализируются и вытесняются на культурную периферию общества, существуют в качестве *антисис-*

темных, маргинальных или девиантных форм целостной культуры. В любом случае и маргинальные, и легитимные субкультурные формообразования образуют *аксиологические локальные миры*, противостоящие базовой культуре. *Субкультурные субъекты* (индивиды, группы и сообщества) вырабатывают в собственных культурных практиках индивидуальные и коллективные *стереотипы поведения и способы деятельности*, которые воплощаются в специфических *знаково-символических* формах, *социокодах*, мифологизированных *формах сознания* и структурах *личностной идентичности* [9; 10; 11 и др.].

Объектом данной статьи является антисистемное сообщество АУЕ. В качестве предмета выступает описание криминальной субкультуры АУЕ в его ментально-идеологических практиках. Статья содержит также описание способов и последствий вовлечения подростков в криминальное сообщество АУЕ и практические меры решения возникающих в воспитании молодежи проблем.

Материалы исследования. Применение указанных методов позволяет установить, что субкультурное сообщество АУЕ применяет многообразие ментальных и идеологических практик вовлечения несовершеннолетних в криминальную жизнь (вначале поверхностно), рассказывая об устоях, сформировавшихся в тюрьмах и криминальной среде. В большинстве случаев попадают в эту экстремистскую организацию подростки, обделённые родительским вниманием и столкнувшиеся с безразличием в школе, а также подвергающиеся унижению со стороны ближайших коллективов (часто сверстников), что и толкает молодых людей к нетривиальным способам самоутверждения.

Прежде всего, следует определиться с понятием «экстремизм», что даст нам возможность разрабатывать индикаторы для идентификации той или иной субкультуры и соответствующего сообщества в качестве экстремистских.

Понятие «экстремизм» встречается в нормативных правовых актах Российской Федерации: Конституции Российской Федерации¹,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

Федеральном законе от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»², Федеральном законе от 05 июля 2002 года №112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»³, Федеральном законе от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴, Указе Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года №310 (в редакции от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»⁵, Постановлении Правительства Российской Федерации от 06.08.2015 года №804 «Об утверждении правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведений организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей»⁶.

В ряде работ мы выработали также собственное определение и понимание экстремизма. Мы давали определение политико-правового экстремизма и писали: «Если давать понятийное определение политико-правового экстремизма, то он, по нашему мнению, представляет собой специфическую деятельность индивидов и сообществ, которая предполагает достижение политических целей нелегитимным способом с использова-

нием радикальных целей и методов, антисистемных идеологий и культурных смыслов. В этом плане экстремистские деяния носят чаще всего преступный характер. Можно выделять религиозные и культурные формы экстремизма, но и они будут чаще всего связаны с политико-правовым экстремизмом как наиболее фундаментальным по отношению к любым видам и формам экстремизма» [8, с. 124]. Герменевтические смыслы и рациональные определения практик экстремизма позволяют интерпретировать экстремизм в качестве антисистемной деятельности современного человека, которая характеризуется чрезмерностью и сверхмерностью (нарушение меры), избыточностью (часто экстремальные практики в спорте или культуре оборачиваются разрушительным экстремизмом), маргинальностью и эффектом антисистемности, возникая чаще всего в условиях *чрезвычайных ситуаций* (бунты, революции, социально-политические кризисы, состояние социокультурной транзитивности и т.п.) [подробнее см.: 7; 8; 9].

Важную роль при вовлечении молодёжи в экстремистские субкультурные сообщества играют ментально-культурные факторы воздействия на неустойчивую психику молодого человека, часто мало образованного. Следует отметить, что в повседневной жизни молодёжи важными являются каналы, по которым молодёжь не только узнаёт действительно новое для саморазвития, но и черпает в полной мере всё негативное, возникающее в современной кризисной культуре.

Например, на просторах Интернета встречается творчество современных исполнителей, которые простенько и безвкусно

2 Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002, №30, ст. 3031.

3 Федеральный закон от 25.07.2002 №112-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002, №30, ст. 3029.

4 Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003, №40, ст. 3822.

5 Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года №310 (в редакции от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.03.1995, №13, ст. 1127.

6 Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 №804 (ред. от 01.11.2022) «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.08.2015, №33, ст. 4835.

пропагандируют идеологию и мифологию АУЕ. В настоящее время в информационно-телекоммуникационной сети Интернет насчитывается около 50 тысяч ресурсов, поддерживающих криминальную субкультуру АУЕ, с общей аудиторией более миллиона человек, из которых около 80% — подписчики из числа детей и молодежи до 30 лет.

В качестве примера можно рассмотреть «творчество» личностей, воспевающих АУЕ, таких как «Ника Цербер». В её текстах повествуется о том, что представители АУЕ «жаждут свободы, зарабатывают деньги незаконным путем» («Гражданский кодекс, прощай, удачи»); «спасение у них одно — это бегство»; «полиция является врагом» и т.п. В тексте «Артёма Татищевского» (Каспийский Груз feat) также воспеваются блатная романтика в духе АУЕ: «Я вырос там, где мусора не в почёте, И на вопрос: Как дела? Отвечаю: А чё те?»; «Среди своих почти все мы стоим на учёте, И я нуждаюсь в деньгах, но не нуждаюсь в работе». И т.д., и т.п.

Композиции находятся в общем доступе для каждого, и современное поколение, как губка, впитывает в себя всю эту незатейливую криминальную мифологию. Здесь пропагандируется стиль жизни, связанный с круговоротом наркотических веществ. Поклонники и адепты АУЕ также рисуют свой символ (воровская звезда) на заборах, домах и т.п., у многих представителей меж пальцев находится татуировка в виде звезды. Их девиз — «Жизнь ворами!». По этим символам можно определить, находится человек в криминальной организации или нет. Обычно такие подростки агрессивны, их поведение отличается тревожностью, в лексике используется тюремный жаргон (например, «бодяга» — бессмысленный разговор или разбавленный наркотик и алкоголь, «плющить» — наркотическое состояние, «убиться» — употребить наркотик, «уехать под крышу» — угодить в СИЗО и т.п.). Всё это призвано романтизировать воровскую жизнь, а их «производители» по всем индикаторам и признакам являются экстремистами.

Но как противостоять этим искушениям и негативным явлениям? По статистике, за 2022 год в России насчитывается 1078 преступлений, которые имеют экстремистскую направленность: в Центральном ФО наибольшее количество противоправных деяний в г. Москве (97), в Северо-Кавказском ФО — в Республике Дагестан (55), в Приволжском ФО — в Республике Башкортостан (21), в Уральском ФО — в Свердловской области (31), в Северо-Западном ФО — в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (40)⁷.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» «противодействие (т.е. пресечение и профилактика) экстремистской деятельности основывается на следующих принципах: 1) законность; 2) гласность; 3) приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; 4) приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; 5) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; 6) неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности»⁸.

Таким образом представителям власти, прежде всего, необходимо обратить внимание на данное количество преступлений и задуматься о комплексной профилактике среди населения с целью выявить и показать опасность экстремистской деятельности. Наши дети — это наше будущее, нужно как можно скорее прекратить существование организаций, которые идут против закона.

Резюме. Таким образом, следует вести речь о более системной работе по формированию в России современной правовой культуры путём соответствующего воспитания не только молодёжи, но и других демографических групп.

В современном российском обществе существует проблема формирования устойчивого правового сознания с устранением диспропорций в правовом культурном простран-

⁷ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф>.

⁸ Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002, №30, ст. 3031.

тве предшествующего периода. Реальные проблемы правового сознания, если говорить о точках соприкосновения с общественной жизнью, спустились на групповой и межличностный уровень. Нельзя отрицать, что существуют серая и черная зоны, смешение правовых и неправовых норм как следствие ситуативного права и правового негативизма, что создает зону притягательности для правовой ностальгии или запроса на актуальные правовые новации.

Развивая эту мысль, актуально делать упор на *правовом воспитании* в российском обществе, которое может интерпретироваться через два подхода. *Первый* связан с условно либеральными принципами, с ускорением правовой цивилизованности обществ через следование правовым нормам как регулярным и обыденным. В контексте 90-х годов прошедшего столетия правовое воспитание было включено как «паллиатив» ушедшей системы: в советском «перестроечном» обществе молчаливо предполагалось, что правовое воспитание станет базисным замещением идеологического воспитания при изъятии формулы государственной идеологии. Таким образом, общество находилось под влиянием убеждения о новом нормативном порядке, но актуальное правовое сознание отмечалось и отмечается диспропорциональностью, неоднородностью, и очевидными стали изъяны системы правового воспитания, на которое влияли факторы социальной стратификации, местничества, социальной маргинализации.

Второй подход, организаторский, по сути означает становление системы права, связанной с национальными интересами, согласованием государственных и общественных институтов, основанных на объективности и общественной природе правовых отношений, отражении позиции социальных групп, определяемых совокупностью культурных капиталов (ресурсов). Здесь речь идет о том, что адекватным исходным теоретическим постулатом традиционного права является постоянно воспроизводимая система социально-психологических воздействий, направленных на формирование поведенческих и ментальных практик, соответствующих принципам формально-правового равенства, и одновременно закрепляющих чувство социальной

уверенности, понимания права как способа развития общества и личности. Однако, данное положение кажется абстрактным и оторванным от жизни, и надо объяснить процессы формирования правового сознания с точки зрения солидарных сообществ, которые получают возможность преобразовать социальные отношения через систему права. Таким образом, ставится вопрос о том, чтобы формировалась система воспитания, представляющая собой сферу взаимодействия контур-дискурса и контур-организации, с одной стороны, и повышение правовой комплексности, правовых знаний, с другой, и границ действия правовых норм, обусловленных интернациональными действиями и практиками.

Главной задачей при этом является возможность через систему правового сознания определять легитимацию новых социальных практик и воспроизводимость уже установленных и институализированных. Российское общество, его политические и правовые институты оказались перед проблемой незавершенного культурогенеза, и здесь важный момент состоит в том, чтобы сделать выбор альтернатив смыслообразований и ценностей в воспитании личности, определяемых традиционными аксиологическими практиками (патриотическими, семейными). Вместе с тем система правового воспитания масштабируется в рамках гражданского патриотического общества, что не исключает и даже усиливает влияние профессиональных ассоциаций. Этот момент важен с точки зрения предотвращения чрезмерного лоббизма в российском обществе и в рамках правового воспитания предусматривает формирование устойчивых связей между воздействием моральных и правовых норм как единого воспитательного комплекса. Можно с уверенностью говорить, что правовые традиции русского народа, сформированные на протяжении десятилетнего периода истории, и правовой опыт уникальны, как и отрицание юридического формализма в соответствии с большим уважением к «указу», чем к закону. Это соответствует позиции сильного лидера и сильного государства, доминированию общественных идеалов на индивидуальными и авторитету государственной службы (военной, административной).

Но здесь следует оговориться, что в обществе на основании определенной монополизации бюрократией правовых ресурсов и деформаций «телефонного» права, существовавших уже в Советском Союзе, сформировалось критическое массовое мнение по отношению к отечественному чиновничеству (бюрократии). В современных условиях, когда общество нуждается в патриотической мобилизации, обостренно воспринимаются попытки попрания права, ущемление социальных и трудовых прав, существует потребность в здоровом, государственном патернализме, развитии специальных институтов по защите прав личности, преодолении практики социальных квазистатусов, определявших влияние либеральных правовых реформ на развитие права в 90-е годы прошлого века.

В заключение отметим, что действенность правового воспитания выражается в силе права, в принятии и соблюдении формулы права, что важно в восприятии элит как реформируемых групп. Другими словами, если элиты становятся образцом выполнения и реализации правовых норм, то есть предпосылки диалога общества и власти в целях применения правовых практик.

Список источников

1. Бочкарева Е. В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. №8. С. 144–150.

2. Гирьятович Д. В. Молодежная субкультура «А.У.Е.» // *Социология сегодня*. Сборник научных статей: материалы межвузовского круглого стола / Отв. ред. О. П. Грибунов. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 44–46.

3. Гирьятович Д. В. Субкультура «АУЕ» как проявление девиации молодежи // *Девиация в современном российском обществе*. Ее профилактика и минимизация. Сборник научных статей: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 161–164.

4. Глухова А. А. Особенности организации и функционирования сайтов, посвящен-

ных тематике АУЕ, и их роль в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи / А. А. Глухова, Д. А. Шпилев // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13. №4. С. 1646–1660.

5. Горбунов А. А. Политический экстремизм и терроризм — специфические формы проявления политического процесса // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. №4. С. 44–50.

6. Полякова А. Е. Особенности развития и истоки криминальной субкультуры «АУЕ» / А. Е. Полякова, Н. С. Рябков // *Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века*. 2018. №10. С. 397–401.

7. Римский А. В. Культурно-исторические практики экстремизма / А. В. Римский, А. Г. Малахов // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. №48(1). С. 137–146.

8. Римский А. В. Специфика экстремизма: политико-правовые и философские определения / А. В. Римский, В. А. Лысенко // *Наука. Искусство. Культура*. 2023. Вып. 1(37). С. 115–126.

9. Римский А. В. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ / А. В. Римский, В. П. Римский // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. №46(3). С. 489–498.

10. Римский В. П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура / М. М. Белоусова, Ю. М. Мельник, О. Н. Римская, В. П. Римский // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*. 2009. Вып. 8. №8(63). С. 30–41.

11. Римский В. П. Субкультурные революции в культурно-исторической типологии / Р. Г. Аббасов, В. П. Римский // *Наука. Искусство. Культура*. 2018. №3(19). С. 5–23.

12. Серебренникова А. В. Движение «АУЕ»: сущность и проблемы противодействия в молодежной среде // *Национальная ассоциация ученых (НАУ)*. 2020. №59. С. 54–57.

13. Сорока В. Г. Влияние АУЕ на формирование личности несовершеннолетнего // *Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: материалы Межвузов-*

кой научной студенческой конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. С. 32–33.

14. Хасуев А. Э. Молодежная субкультура «АУЕ» в России // Вестник современных исследований. 2018. №10.6(25). С. 83–85.

15. Шуняева В. А. Молодежная криминальная субкультура как фактор становления личности несовершеннолетнего преступника // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. №3. С. 177–180.

References

1. Bochkareva E. V. Rasprostranenie kriminal'noj antikul'tury v molodezhnoj srede [The spread of criminal anti-culture in the youth environment]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2019; (8): 144–150. (In Russ.).

2. Gir'jatovich D. V. Molodezhnaja subkul'tura «A.U.E.» [Youth subculture «C.C.U.»]. *Sociologija segodnja. Sbornik nauchnyh statej: materialy mezhvuzovskogo kruglogo stola* [Sociology today. Collection of scientific articles: materials of the interuniversity round table]. Otv. red. O.P. Gribunov [In O.P. Gribunov (eds.)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. P. 44–46. (In Russ.).

3. Gir'jatovich D. V. Subkul'tura «AUE» kak projavlenie deviacii molodezhi [Subculture «CCU» as a manifestation of deviation of youth]. *Deviacija v sovremennom rossijskom obshhestve. Ee profilaktika i minimizacija. Sbornik nauchnyh statej: materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Deviation in modern Russian society. Its prevention and minimization. Collection of scientific articles: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. P. 161–164. (In Russ.).

4. Gluhova A. A. Osobennosti organizacii i funkcionirovanija sajtov, posvjashhennyh tematike AUE, i ih rol' v formirovanii sociopatičeskikh i protivopravnyh ustanovok u podrostkov i molodezhi [Features of the organization and functioning of sites dedicated to the subject of CCU, and their role in the formation of sociopathic and illegal attitudes among adoles-

cents and youth]. A. A. Gluhova, D. A. Shpilev. *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law]. 2019; 13(4): 1646–1660. (In Russ.).

5. Gorbunov A. A. Politicheskij jekstremizm i terrorizm — specificheskie formy projavlenija političeskogo processa [Political extremism and terrorism — specific forms of manifestation of the political process]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture]. 2015; (4): 44–50. (In Russ.).

6. Poljakova A. E. Osobennosti razvitija i istoki kriminal'noj subkul'tury «AUE» [Features of development and origins of the criminal subculture «CCU»]. A. E. Poljakova, N. S. Rjabkov. *Nauchno-obrazovatel'nyj potencial molodezhi v reshenii aktual'nyh problem XXI veka* [Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the XXI century]. 2018; (10): 397–401. (In Russ.).

7. Rimskij A. V. Kul'turno-istoričeskie praktiki jekstremizma [Cultural and historical practices of extremism]. A. V. Rimskij, A. G. Malahov. *NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2023; 48(1): 137–146. (In Russ.).

8. Rimskij A. V. Specifika jekstremizma: politiko-pravovye i filosofskie opredelenija [The specifics of extremism: political, legal and philosophical definitions]. A. V. Rimskij, V. A. Lysenko. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2023; 1(37): 115–126. (In Russ.).

9. Rimskij A. V. «Razrushenie vmeste» ili O specifikke jekstremistskich soobshhestv [«Destruction together» or About the specifics of extremist communities]. A. V. Rimskij, V. P. Rimskij. *NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2021; 46(3): 489–498. (In Russ.).

10. Rimskij V. P. Metodologija issledovanija subkul'tur v social'no-gumanitarnyh naukah (na primere molodezhnoj kul'tury). Stat'ja 1. Kul'tura i subkul'tura [Methodology of subculture research in the social sciences and humanities (on the example of youth culture). Article 1. Culture and subculture]. M. M. Belousova, Ju. M. Mel'nik, O. N. Rimskaja, V. P. Rimskij. *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Pravo»* [Scientific Bulletin of Bel-

SU. The series «Philosophy. Sociology. Law»]. 2009; 8(63): 30–41. (In Russ.).

11. Rimskij V.P. Subkul'turnye revoljucii v kul'turno-istoricheskoj tipologii [Subcultural revolutions in cultural and historical typology]. R.G. Abbasov, V.P. Rimskij. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2018; 3(19): 5–23. (In Russ.).

12. Serebrennikova A.V. Dvizhenie «AUE»: sushhnost' i problemy protivodejstvija v molodezhnoj srede [The CCU movement: the essence and problems of counteraction in the youth environment]. *Nacional'naja asociacija uchenyh (NAU) [National Association of Scientists (NAS)]*. 2020; (59): 54–57. (In Russ.).

13. Soroka V.G. Vlijanie AUE na formirovanie lichnosti nesovershennoletnego [The influence of AUE on the formation of a minor's personality]. Aktual'nye problemy pravotvorchestva i pravoprimeritel'noj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: materialy Mezhevuzovskoj

nauchnoj studencheskoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Actual problems of law-making and law enforcement in the Russian Federation: materials of the Interuniversity scientific student conference dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State University]. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2018. P. 32–33. (In Russ.).

14. Hasuev A. Je. Molodezhnaja subkul'tura «AUE» v Rossii [Youth subculture «CCU» in Russia]. *Vestnik sovremennyh issledovanij [Bulletin of Modern Research]*. 2018; 10.6(25): 83–85. (In Russ.).

15. Shunjaeva V.A. Molodezhnaja kriminal'naja subkul'tura kak faktor stanovlenija lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Youth criminal subculture as a factor in the formation of the personality of a minor criminal]. *Social'no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]*. 2020; 10(3): 177–180. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted on 07.05.2023; approved after reviewing on 26.05.2023; accepted for publication on 15.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович — кандидат философских наук, старший лейтенант полиции, старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Белгородский юридический институт МВД РФ им. И. Д. Путилина.

Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71

Alexey V. Rimskiy — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lieutenant of Police, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin.

71 Gorkogo str., Belgorod, Russia